

Вальтер Скотт

Накануне Дня Св. Джона

Едва рассвело, взобрался в седло
И двинулся в путь смальгольмский барон.
Под уколы шпор во весь опор
Конь скакал по дороге на Бротерстон.

Там не видели их с Баклю вдвоём,
Где реял стяг боевой,
Где английский лук с шотландским копьём
Спор вели вековечный свой.

Но в такую рань он скакал на брань,
На жестокий кровавый спор,
И тяжкую бронь нёс могучий конь,
И меч, и кинжал, и топор.

Воротился барон, как прошло три дня.
Снова видит башню свою.
Тяжела неспешная поступь коня,
И по всаднику видно, что был в бою.

Энкрем Мур он не видел в тот грозный час,
Когда кровь бежала с водой,
Когда с Эверсом Баклю и Дуглас
Вели смертельный бой.

Но следы ужасных ударов хранит
Шлем и панцирь, и щит,
Изорван колет, и кожа седла
Иссечена была.

А на оружье кровь запеклась —
Из жаркого боя вернулся барон.
Но то не английская кровь пролилась —
С кем же сразился он?

Вот часовня. Он спешил у крыльца,
Трижды свистнул что было сил.
Так проворного он вызывал мальчика
По прозванию Английский Уилл.

— Подойди-ка поближе, мой славный малыш,
Ты мне предан и старших верней.
От меня никогда ничего не таишь,
Расскажи о супруге моей.

Что тут было, когда на чужой стороне
Я сражался с нашим врагом.
Всё, что видел и слышал, поведаешь мне,
Всё расскажешь, что знаешь о том.

— По ночам миледи считает огни,
Что горят на холмах всегда.
Приближенье врага возвестят они,
Если придёт нужда.

В первую ночь я во тьму смотрел.
Выпь стонала, буря была.
Вдали на вышке огонь горел,
И миледи туда пошла.

Там её никто не встречал,
Не виден был часовой.

Ветер то слабел, то крепчал,
Подымая зловещий вой.

На вторую ночь я крался за ней,
Таясь меж кустов и камней.
Боже! Рыцарь чужой пред моей госпожой
Стоял в мерцанье огней.

Опираясь на меч, снаряжён, как на бой,
Он стоял, на камне сидела она.
Говорили о чём-то меж собой,
Но речь была не слышна.

И опять на вышке огонь полыхал.
Я в страхе на них глядел.
О чём говорили – не слышал:
Ветер снова выл и свистел.

На третью ночь ветер утих,
На пустоши и холме тишина.
Теперь я не только видел их,
Но и речь мне была слышна.

Я скрывался от них, прячась за куст,
Испуган и пристыжён,
Имя леди звучало из его уст,
Из её – «Святой Джон»!

— Что ты робок так, милый мой друг?
Барон с Баклю, он далеко.
Привратник отослан, и что было слуг,
Ты ко мне доберёшься легко.

— Нет! Заклятье нарушить мне нельзя,
Ждёт меня иная стезя.
Мне брести одному в непроглядную тьму,
Ты меня не зови потому.

— Я повсюду в башне рассыплю камыш,
И твой шаг не нарушит тишь.
И будет донжон в тишину погружён,
И с нами святой Джон!

Не залает злобный пёс во дворе,
Я запру его в конуре.
В мою почивальню ты сможешь пройти,
Не встретив помех на пути.

Может, ты опасаясь, что монах,
Который живёт у нас,
Вдруг увидит тебя в наших стенах
В неурочный день и час?

Он служит мессу в дальнем краю
По рыцаре, павшем в бою,
Где при дороге святыня тех мест —
Из чёрного мрамора крест.

— Что ж, если он свершает свой труд
Там, где стоит Холируд,
Пусть в той дальней стороне
Отслужит мессу по мне.

Но когда в полночь, в недобрый час,
Злые духи сулят христианам беду,

Мне позволено будет на этот раз
Прийти к тебе – и я приду.

После этих слов, хмур и суров,
Он исчез в окружающей тьме.
И не звякнула бронь, и не гас огонь,
И миледи осталась одна на холме.

— Когда он был озарён огнём,
Расскажи, что ты видел на нём.
О сопернике я дознаюсь таком,
А быть может, с ним знаком.

Скажи, как шлем его был оперён,
Что за герб носил его щит.
Пресвятая Дева, кто б ни был он,
Клянусь, он будет убит.

— Ветку тиса я заприметил над ним,
Когда огонь полыхал,
И перья, алое с голубым,
Ветер едва колыхал.

И пока неверный огонь горел,
Разглядеть щит я тоже смог.
Грозный пёс с него на врага смотрел,
Блестел серебряный поводок.

Взъярился барон от этих слов,
Услыхав про перья и щит под конец.
Был бледен, суров, стал гневен, багров,
Закричал мальчугану: «Лжец»!

Вскричал барон: «Врёшь, сорванец!
Заврался, гляжу, вконец!
Напрасно я тебе доверял,
Где ты верность свою растерял?

Я знаю, лгунишка, и этот шлем,
И герб, что носит щит.
Три дня, как в могиле, недвижим и нем,
Этот рыцарь спит, кем-то убит»!

— О милорд –мальчуган на это, дрожа –
Я не лгу, рассказу поверь моему.
А ещё я слышал, как госпожа
«Милый мой Колдингем» говорила ему.

— Может, гаснул костёр, взгляд твой не был остёр,
Полутьму на холме не проник.
Бездыханен и нем, спит в гробу Колдингем,
А тебе показался – двойник?

В драйбургском аббатстве я видел гроб –
В нём Колдингем усоп.
Монахи поют, свечи горят
Три дня и три ночи подряд.

Вот барон вошёл в донжон,
В светлицу поднялся он.
Там у окна сидела жена,
Служанками окружена.

С грустью она смотрела на Твид,
Что поодаль бежит.

На рощу и луг, и всё вокруг –
Знакомый, привычный вид.

— Вот и ты, мой муж, вот и ты наконец,
Привет тебе, храбрец!
Энкрем Мур, Баклю – наш верх или нет?
Ты оттуда – дай же ответ!

— От английской крови покраснела река,
Англичане разбиты, бежали они.
Но опасность не миновала пока,
Баклю сказал: не тушите огни.

Вспыхнула леди при вести такой,
Замолчали она и он.
И леди спустилась в свой покой,
За нею сошёл барон.

Ночь. На супружеском ложе барон.
Но неглубок его сон.
Рядом жена, ни жива-ни мертва,
Бессвязные ловит слова.

Слышит порой: «... в земле сырой ...
Что могло возродить ...
... Мёртвое тело ... пока не истлело ...
Среди живых бродить ...»

Под утро, когда вконец изнурён,
Был ночными кошмарами он,
Сошёл на него тяжёлый сон,
И крепко заснул барон.

Очнулась леди. Сумрак редел.
Свеча вот-вот погаснет совсем.
Ужасный вид! На неё глядел
Сэр Ричард Колдингем.

— Пресвятая Дева! Скорей уходи,
Прочь отсюда, барона не разбуди!
— Не бойся! — ответил ей Колдингем —
Он спит и останется нем.

Где Эльдонский тополь всем ветрам открыт,
Я был в могилу зарыт.
Но напрасно уже три ночи-три дня
Отпевают монахи меня.

Я попал в засаду и подло убит,
Там, где струится Твид,
И мой дух обречён скитаться там,
Где так было вольготно нам.

Но сюда мне нельзя — таков зарок,
Непреложен и крепок он.
Но я чар твоих превозмочь не мог,
Да поможет нам Святой Джон!

Да, я убит, и убийца спит,
Вот он тут, на ложе с тобой.
Видно, грешной любви искупленье в крови,
И я должен смириться с судьбой.

За любимого леди тревоги полна.
И его вопрошает она:

— Что с душой твоей будет? Она спасена?
Или аду обречена?

Он промолвил: — За грех беззаконных утех
Оба должны отвечать.
На мне барон исполнил этот закон,
Я тебе оставляю печать.

Говоря, Колдингем коснулся стола,
И до пальцев леди дотронулся он.
Страшная боль её прожгла,
Леди сжалась в комок, но сдержала стон.

Железо, калёное добела —
Такова рука Колдингема была,
Четыре бороздки она прожгла
На дубовой крышке стола.

А леди ожог получила такой,
Что с той поры не владела рукой.
И от глаз людских тот страшный ожог
Всегда скрывал платок.

В Мельрозских стенах есть угрюмый монах.
Кто такой, из каких сторон?
На вопросы вам не ответят там.
Это он, смальгольмский барон.

В Драйбургском аббатстве черница одна
Редко на людях видна.
Рука у ней чем-то повреждена,
Повязку носит она.

И худа, и бледна, бьёт поклоны она,
Всё в молитвы погружена –
Богу душу излить, свой грех замолить.
Это леди, барона жена.

2021

Перевод В. Котовер-Казанера Май

... аналога Жуковскому с его переводами нет ни в европейской, ни во всемирной поэзии. – В.Л. Топоров
«Двойное дно»

Современники высоко оценили эту балладу. [Пушкин](#) в «[Путешествии из Москвы в Петербург](#)» назвал её «славной», [Белинский](#) написал, что «по языку это одно из удивительнейших произведений Жуковского».

Википедия. Замок Смальгольм, или Иванов вечер

Послесловие переводчика

Баллада Вальтера Скотта называется The Eve of St. John; Жуковский перевёл её в 1822 году, но из-за цензурных придинок смог опубликовать только через два года. Кругло говоря, она существует в русской поэзии уже два века.

Слава Жуковского-переводчика очень велика. В книге «Двойное дно» В. Л. Топоров воздал ему хвалу, из текста Топорова я взял первый эпиграф. Баллада, о которой идёт речь, была издана многократно, но, к моему удивлению, всегда только в переводе Жуковского. Надо полагать, других переводов не существует. Жаль. Этот единственный перевод

(вольный, конечно) содержит такое описание встречи господина и слуги, которое не может быть оправдано вольностью, дозволенной переводчику поэзии. Вот барон возвращается после опасной схватки, условным свистом вызывает пажа – и сажает его себе на колени!!

Подойди, мой малютка, мой паж молодой,

И присядь на колени мои (!)

Любопытно, как Пушкин и Белинский (см. второй эпиграф) представляли себе эту сцену. Барон садится на скамью (возле часовни, надо полагать, таковая должна быть), сбрасывает доспехи (а может, и нет) и усаживает на колени – кого? Малютку, он же паж молодой. Паж молодой, в моём представлении, это юноша лет 15-17-ти; как-то трудно представить такого на коленях у барона. Вот текст Жуковского поподробнее:

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

А вот как в оригинале:

He lighted at the Chapellage,
He held him close and still;
And he whistled thrice for his little foot-page,

His name was English Will.

'Come thou hither, my little foot-page,
Come hither to my knee;
Though thou art young, and tender of age,
I think thou art true to me.

'Come, tell me all that thou hast seen,
And look thou tell me true!
Since I from Smaylho'me tower have been,
What did thy lady do?'

«Паж молодой» Жуковского упоминается трижды, но у автора нет «пажа» (page), а есть foot-page. Это мальчишка на посылках, он может быть лет 5-6-ти (действительно, «малютка»). Но и такого барону брать на колени было незачем. В оригинале:

Come hither to my knee;

Эта идиома означает просто «подойди поближе». Так обращается конный к пешему или взрослый к ребёнку (к подростку, который ему, допустим, до пояса). Тут Василий Андреич положил большую охулку на свою переводческую руку.

Отметим кое-какие отступления от оригинала. «Замок Смальгольм» — в оригинале нет «замка» (castle), а есть tower(башня). «Знаменитый Смальгольмский барон» — у автора не сказано, что барон «знаменитый». В бурю «без умолку филин кричал» — не знаю, как ведёт себя филин в бурю, но в оригинале там выпь. Герб на щите Колдингема (три звезды и пр.) Жуковский полностью сочинил сам. Барон, поднявшись к жене, видит её одну; в подлиннике она окружена служанками. Это ничего, но просто непонятно, зачем это. А вот что действительно плоховато: баллада написана отнюдь не таким гладким ритмом, каким её перевёл Жуковский. Мрачное, готическое содержание замечательно передаёт дольник (он же паузник) автора; Василий Андреич, видимо, будучи в плену тогдашней традиции, избрал правильный монотонный анапест, который в течение сорока девяти четверостиший становится скучен.

(Ранний пример дольника в русской поэзии – один из шедевров Тютчева «Сон на море». Это стихотворение помечено 1830-м годом!)

Перевод Жуковского, на мой взгляд, устарел. У нас бледная копия великолепного оригинала. Вот бы кто-нибудь из нынешних профессиональных переводчиков перевёл эту вещь заново.

Почему я взялся за не своё дело? Главное – достала, в конце концов, строчка «Присядь на колена мои». Конечно, сразу столкнулся с тем, что английские слова, как правило, бывают короче русских (это я знал). Вот несколько примеров:

knigt – рыцарь;
monk – монах;
nun – монахиня;
priest – священник;
grave – могила.

Это всё нужные слова, они необходимы при переводе. Я отказался от догмы переводить четверостишия (катрены) один в один, предпочитая по возможности держаться ближе к оригиналу по содержанию, нежели по количеству строк. Сознание безответственности и отсутствия конкуренции придаёт уверенности, что действуешь правильно. В итоге у меня прибавился десяток катренов сравнительно с оригиналом и переводом Жуковского.

Дочитавшему до конца best regards.

В. Котовер-Казанер 26.05.21